

**Несостоявшийся союз: провал переговоров
о советско-французской военной конвенции
против немецкого реваншизма***

Александр Вершинин

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

²Московский государственный университет,
Москва, Россия

**Failed Alliance: The Failure of Negotiations
on the Soviet-French Military Convention
against German Revanchism****

Aleksandr Vershinin

¹Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

²Moscow State University,
Moscow, Russia

This article considers the course and results of Soviet-French negotiations on the conclusion of a military convention in 1935–1937. The question of creating a full-fledged military alliance between the two countries arose immediately after they signed a mutual assistance pact in 1935, but initially neither side was fully prepared for this. The impetus for the intensification of negotiations was the events of March 1936 when the Soviet leadership, having failed to normalise its relations with Germany, became convinced of the weakness of the French position against the background of the events of the Rhine crisis. Military and diplomatic contacts began in June 1936 and became especially intense in autumn when L. Blum's cabinet initiated negotiations between the General Staffs of the two countries. However, at the beginning of 1937, it became clear

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–10014 «От согласия к пакту: франко-русские / франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

** Citation: Vershinin, A. (2022). Failed Alliance: The Failure of Negotiations on the Soviet-French Military Convention against German Revanchism. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 739–754. DOI 10.15826/qr.2022.2.699.

Цитирование: Vershinin A. Failed Alliance: The Failure of Negotiations on the Soviet-French Military Convention against German Revanchism // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 739–754. DOI 10.15826/qr.2022.2.699 / Вершинин А. Несостоявшийся союз: провал переговоров о советско-французской военной конвенции против немецкого реваншизма // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 739–754. DOI 10.15826/qr.2022.2.699.

that for their successful outcome, it was necessary to overcome the resistance of influential military-political circles, which the French government turned out to be incapable of doing. The Soviet side insisted on a transition to direct mutually binding negotiations, but in the summer of 1937, after the resignation of the Blum government, contacts on this issue eroded.

Keywords: World War II, Red Army, Soviet-French mutual assistance pact of 1935, military convention

Статья посвящена изучению хода и итогов советско-французских переговоров о заключении военной конвенции в 1935–1937 гг. Вопрос о создании полноценного военного союза между двумя странами встал сразу после подписания ими пакта о взаимопомощи в 1935 г., однако первоначально ни она из сторон не была полностью готова к этому. Толчком к активизации переговоров стали события марта 1936 г., когда советское руководство, не сумев нормализовать отношения с Германией, убедилось в слабости французской позиции на фоне событий Рейнского кризиса. Контакты по военной и дипломатической линии начались в июне 1936 г. и стали особенно интенсивными осенью, когда кабинет Л. Блюма инициировал переговоры между генеральными штабами двух стран. Однако в начале 1937 г. стало понятно, что для успешного их исхода необходимо преодолевать сопротивление влиятельных военно-политических кругов, на что французское правительство оказалось не способно. Советская сторона настаивала на переходе к непосредственным взаимообязывающим переговорам, однако летом 1937 г. после отставки правительства Блюма контакты по этому вопросу сошли на нет.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Красная армия, советско-французский пакт о взаимопомощи 1935 г., военная конвенция

Вопрос о том, мог ли потенциальный союз западных демократий и СССР во второй половине 1930-х гг. остановить германский реваншизм в Европе, продолжает звучать актуально как в научной, так и в общественной дискуссии, однако однозначного ответа на него нет. Внимание, как правило, привлекают события последних предвоенных месяцев, в частности трехсторонние англо-франко-советские переговоры в Москве в августе 1939 г., провал которых подвел черту под попытками Лондона и Парижа договориться с Москвой. Но чтобы понять те мотивы, которыми руководствовался Советский Союз весной-летом 1939 г., необходим более глубокий экскурс в историю его отношений с будущими союзниками по антигитлеровской коалиции. Переговоры о подписании военной конвенции с Францией еще в середине десятилетия выявили и поставили на повестку дня те конфликтные вопросы, которые в 1939 г. не позволили создать единый фронт великих держав перед лицом гитлеровской агрессии в Европе.

В историографии советско-французским военным переговорам 1935–1937 гг. уделено незначительное внимание [Дюллен; Орлов; Сиполс; Alexander; Dessberg; Vaïsse]. Важным исключением является статья М. Дж. Карлея [Карлей], но в целом проблема остается в тени схваток, сопровождавших подписание пакта о взаимопомощи между СССР и Францией в мае 1935 г. Политическое соглашение рассматривалось советским руководством лишь в качестве первого шага к эффективному сотрудничеству с целью сохранения мира в Европе, которое в середине 1930-х гг. было немыслимо без военной составляющей. Архивные источники позволяют реконструировать ход контактов между военными, дипломатами и политиками по вопросу заключения советско-французской военной конвенции. В фокусе статьи находятся эволюция советской позиции и причины провала попытки создания советско-французского союза. Верхней хронологической рамкой служит 1935 г., совпадающий с первыми обсуждениями военной конвенции. Нижняя хронологическая рамка – лето 1937 г., ознаменовавшее фактическое сворачивание военных переговоров.

2 мая 1935 г. в Париже советский полпред В. П. Потемкин и глава МИД Франции П. Лаваль подписали двусторонний пакт о взаимопомощи. Таким образом, завершились трудные переговоры, длившиеся с конца 1933 г. Советский Союз и Франция стали формальными союзниками. Однако заключенный договор в полной мере не устраивал ни одну из сторон. Лавалю указывали на то, что чрезмерное сближение с Москвой влияет на перспективы франко-германской нормализации и в целом подрывает основы французской системы коллективной безопасности, которая с середины 1920-х гг. основывалась на принципе многосторонности и арбитражном механизме Лиги Наций. Советский наркомат по иностранным делам (НКВД), а также политическое руководство страны в лице И. В. Сталина остались недовольны теми ограничениями, которые по настоянию французской стороны были внесены в договор, в частности его привязкой к Рейнскому гарантийному пакту 1925 г., резко снижавшей эффективность взаимопомощи и, по выражению Ж.-Б. Дюрозеля, превращавшей всю договоренность в «шедевр галиматьи» [Duroselle, p. 142].

В Кремле рассчитывали на продолжение переговоров. В ходе визита Лавали в Москву в мае 1935 г. советский лидер говорил французскому гостю о своих ожиданиях:

Господин Сталин заявил, что полностью согласен с той пацифистской трактовкой франко-советского пакта, о которой я сказал. В то же время он уточнил, что в том случае, если мир не удастся сохранить, пакт может рассматриваться в качестве альянса; следовательно, чтобы обеспечить его миротворческую составляющую, стоит предвидеть худшее и уже сейчас предусмотреть технические возможности для его эффективного применения [Rapport, p. 142–143].

Речь, очевидно, шла о военной конвенции, которая бы превратила рыхлый пакт о взаимопомощи в полноценный военно-политический союз. Лаваль воспринял эту инициативу положительно и предложил в скором времени начать консультации между генеральными штабами двух стран.

Старт переговорам о заключении военной конвенции к пакту о взаимопомощи был дан на высшем уровне. Однако согласие Лавалья со сталинским предложением не стоило переоценивать. В ходе визита в Москву он решал важную внутривнутриполитическую задачу. Публичная демонстрация взаимопонимания с советским руководством должна была укрепить позиции правополитических сил, которые представлял сам глава МИД, в конкуренции с поддержанной коммунистами коалицией Народного фронта, набиравшей популярность накануне парламентских выборов 1936 г. [Белоусова, с. 208]. В этом контексте согласие на начало военных переговоров выглядело лишь как разменная карта.

Французская дипломатия 1920–1930-х гг. в принципе уходила от практики строительства военно-политических альянсов. Французские элиты усвоили идею того, что скатывание страны в Первую мировую войну стало следствием тех чрезмерных обязательств, которые она взяла на себя в рамках русско-французского союза [Soutou, p. 61–62]. Воспроизведение подобных дипломатических конструкций с встроенным механизмом автоматического действия не только казалось потенциально опасным, но и противоречило тем пацифистским настроениям, которые определяли облик французской политики. По замечанию С. Дюллен, на Кэ д'Орсэ само понятие «военный союз» «являлось табу под влиянием “травмы”, вызванной Первой мировой войной» [Дюллен, с. 102].

В Москве были в курсе этих ограничений, но считали, что речь идет о простом лавировании. Лавалью не доверяли и, ставя в диалоге с ним прямые вопросы, пытались определить его истинные намерения. Зондаж, таким образом, являлся важной задачей, но советское руководство имело и глубокие стратегические расчеты. Как показывают документы НКВД, с января 1935 г. в неофициальных беседах с французскими политиками советские дипломаты все чаще обсуждали возможность создания полноценного военного союза [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 9–20, 70–85]. Советское руководство утрачивало последние надежды на то, что германский экспансионизм удастся удержать в неких рамках.

В документах штаба РККА начала 1935 г. Германия впервые фигурировала как потенциальный противник на Западе [Кен, с. 377–387]. Очевидная трудность военной координации с Францией заключалась в том, что СССР не имел общей границы с рейхом, будучи отделен от него территорией Польши. Однако советское руководство рассматривало Варшаву в качестве потенциального военного союзника Берлина. На завершающем этапе политических переговоров советские дипломаты не скрывали от французов намерения обратиться планиру-

емый пакт в инструмент сдерживания как Германии, так и Польши [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 97. Л. 12].

Две задачи – зондировать цели Парижа, определяя, насколько серьезно французы относятся к двустороннему сотрудничеству и не готовят ли секретную сделку с немцами, и выстраивать каркас военного союза – переплетались, поочередно выходя на первый план. Стратегия их достижения испытала на себе воздействие особого переговорного стиля советской стороны. Представители СССР избегали ситуации, при которой могло сложиться впечатление, что они больше, чем французы, заинтересованы в их успешном результате. Советская позиция излагалась лишь в самых общих чертах, после чего вся инициатива отдавалась в руки партнеров, которым предоставлялась возможность доказать серьезность намерений путем четкого формулирования собственных обязательств. Ш. Фицпатрик усматривает здесь особый сталинский подход к принятию решений: «О важнейших изменениях в политике чаще всего “сигнализировали”, а не сообщали в форме четкой и подробной директивы» [Фицпатрик, с. 36].

Сталинское заявление о готовности заключить с Францией военный союз было во многом именно такой попыткой перевести мяч на сторону поля партнера. Подписание договора не означало его ввода в действие: соглашение предстояло ратифицировать. Москва не хотела делать это первой и ждала соответствующих шагов от Парижа. Однако Лаваль медлил. Потемкин так объяснял его мотивы в письме Литвинову:

Лаваль не хочет ни броскировать немцев немедленной ратификацией пакта, ни демонстрировать им свое предпочтение франко-советского сотрудничества по сближению Франции с Германией... Боевое возбуждение Лавалья, направленное против усиливающегося левого течения во внутренней жизни Франции, заметно отражается и на внешней его политике [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 173, 174–175].

Обмен сигналами по вопросу возможной военной конвенции советская сторона воспринимала, уточняя степень готовности Лавалья закончить дело, начатое подписанием пакта о взаимопомощи.

Уже в конце мая военный атташе СССР С. И. Венцов сообщил командованию французской армии о готовности советской стороны начать военные переговоры [Сиполс, с. 80], однако начальник Генерального штаба генерал М. Гамелен не имел никакой информации о московских договоренностях [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 170]. Через несколько дней тему военного соглашения в разговоре с Потемкиным поднял военный министр Ж. Фабри. «Мы отвечаем на эту инициативу, стараясь не проявлять слишком большой заинтересованности, которая могла бы быть истолкована не в нашу пользу», – писал в Москву Потемкин [Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 420]. По мнению дипломата, французский Генштаб был

«заинтересован в установлении делового сотрудничества с нашим». Того же мнения придерживался Венцов. В мае по пути из Москвы в Париж он разговаривал с журналистом А. Жеро (Пертинаксом), который был вхож в высшие военно-политические круги Франции. «Пертинакс, – отмечал в донесении Венцов, – откровенно подчеркивал, что решающее значение в будущем сотрудничестве он придает взаимодействию двух генеральных штабов» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 760. Л. 122].

Зондаж продолжился в сентябре в ходе визита во Францию военной делегации РККА во главе с А. И. Седякиным. По словам секретаря полпредства СССР во Франции Е. В. Гиршфельда, весь «прием миссии проходил, если можно так выразиться, в “аполитичных тонах”»: «вопросы осуществления сотрудничества армий двух стран, связанных пактом о взаимопомощи, совершенно не затрагивались». Гамелен «уклонился от обсуждения темы о дальнейшем сотрудничестве, намекнув на то, что имеются обстоятельства внутривосточного характера и что вообще эту проблему должны разрешать не военные, а политические руководители». Генерал стремился оставаться «в пределах “генеральной линии” Лавалья» [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 186–187].

На фоне задержки с ратификацией у советского руководства складывалось мнение о том, что главными препятствиями к вводу соглашения в действие с его последующим дополнением военной конвенцией являются лично Лаваль и проводимая им политика, которую к концу 1935 г. отягощали новые попытки договориться с Германией и двусмысленная позиция, занятая Францией в ходе Абиссинского кризиса. В письме Потемкину от 19 декабря Литвинов заявил: «В лице Лавалья мы имеем последовательного настойчивого врага коллективной системы безопасности» [Там же. Д. 94. Л. 37]. Это видение, однако, являлось упрощенным.

Лаваль оказался под двойным давлением внешне- и внутривосточных обстоятельств. Он не оставлял попыток реанимировать систему коллективной безопасности с участием Германии. В ситуации очевидного роста германского реваншизма эта задача превращалась в труднорешаемое уравнение, однако французская дипломатия не видела альтернатив: создание механизма силового сдерживания Рейха на основе военных союзов воспроизводило ситуацию начала XX в., которая рассматривалась как крайне опасный прецедент. В то же время рост социально-политической поляризации во Франции на фоне перспективы победы Народного фронта на выборах 1936 г. делал проблему советско-французского пакта фактором внутривосточной жизни страны. Широкие круги общественности, поддерживавшей правые партии, воспринимали сближение с СССР как шаг на пути к революции и мировой войне, в которой французы воевали бы за чужие интересы [Crémieux-Brilhac, p. 99–102].

Поле для маневра ограничивалось и позицией военных. Вопреки сообщениям советских представителей во Франции, в Генштабе до-

минировало течение, выступавшее против стратегического взаимодействия с СССР. Гамелен и его ближайшие сотрудники отмечали, что СССР не имел общей границы с Германией, а следовательно, не мог прийти Франции на помощь [Vaïsse, p. 694–695]. Боевые качества РККА также вызывали у них определенный скепсис. «Красная армия, – говорилось в материале Генштаба, – способна только на напряжение в течение 2–3 месяцев против второклассного противника» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 740. Л. 116]. Противоположное мнение высказывал лишь заместитель Гамелена генерал Л. Луазо, который, посетив в сентябре 1935 г. маневры РККА в районе Киева и оставшись под впечатлением от увиденного, заявил, что «военное соглашение с Россией не только необходимо, но и легко достижимо» [Loizeau, p. 276]. Однако подобные взгляды не пользовались поддержкой.

В Москве этой информацией в полном объеме не располагали, считая, что Лаваль петляет, ищет политической выгоды лично для себя и подготавливает большое соглашение с Германией. Его уход в отставку в конце января 1936 г. был воспринят с облегчением. Глава МИД П.-Э. Фланден сообщил Литвинову, что «новое правительство полно решимости осуществлять “национальную” политику Франции, связанную с ее друзьями в Европе», и ратифицирует советско-французский пакт [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 59], что и было сделано 27 февраля. Однако, добившись этого результата, советская сторона фактически прервала консультации о возможности заключения военной конвенции.

В интервью американскому журналисту Р. Говарду 1 марта Сталин лишь упомянул о ратификации советско-французского пакта как о «новейшем успехе дела друзей мира», уйдя от обсуждения его стратегического значения [Там же. С. 107]. На ремилитаризацию Рейнской области Германией, поводом для которой стала ратификация пакта, якобы нарушавшего Локарнские соглашения, в Москве отреагировали осторожно. Беседуя с журналистом французской газеты «Тан» 19 марта, В. М. Молотов заявил, что при всей скандальности действий Гитлера они несут с собой риски прежде всего для Франции. СССР же не исключал для себя возможности нормализации отношений с Германией [Там же, с. 166–172].

Получив наконец рабочее соглашение с Парижем, Москва колебалась по поводу того, в каком направлении его следует развивать. Императив купирования военной угрозы на западном направлении, обозначившийся весной 1935 г., стал еще более очевидным. К началу 1936 г. Советский Союз фактически вошел в период непосредственной подготовки к войне, что отразилось в скачкообразном росте численности действующей армии и развертывании военной экономики [Кен, с. 377–387]. В январе заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский заявил о росте угрозы войны на западе, предвидя возможное выступление Германии и Польши против СССР. Эта гипотеза была отработана в рамках большой командно-штабной игры, показавшей, что шансы

Красной армии победить в столкновении с коалицией пограничных стран, поддержанных Германией, далеко не безусловны [Иссерсон]. Логика коалиционного строительства говорила о необходимости активизации сотрудничества с Францией, но все предыдущие мытарства пакта о взаимопомощи не способствовали росту доверия к французам.

В этой ситуации Москва, не предпринимая резких шагов, решила прозондировать позицию Германии. Очередной тур переговоров между торгпредом СССР Д. В. Канделаки и германскими официальными лицами в конце 1935 – начале 1936 г. завершился без существенного политического результата [Безыменский, с. 98–103]. На европейском направлении советской внешней политики складывалась ситуация опасного вакуума, усиливавшая общую неопределенность, что создавало предпосылки для ужесточения курса Москвы. В конце марта Париж пошел на уступки Берлину по всем основным вопросам, возникшим в ходе Рейнского кризиса: признавался германский контроль над бывшей демилитаризованной зоной, проблема восточноевропейской безопасности обходилась молчанием. Но для Кремля не менее важным было другое обстоятельство: чтобы снять возражения Гитлера против советско-французского пакта, французы согласились передать его на рассмотрение Международного суда в Гааге.

Столь очевидное пренебрежение двусторонними договоренностями отбросило отношения между Москвой и Парижем во времена наиболее острых столкновений с Лавалем. Соответствующим образом изменилась и советская риторика. Политбюро инструктировало Литвинова:

Ежели теперь же не будет вырешен вопрос о Восточной Европе, то... СССР придется стать на путь дальнейшего увеличения своей армии и авиации, ибо СССР будет считать, что он предоставлен самому себе [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 181].

Такая постановка вопроса говорила о серьезном сдвиге не только позиции Кремля, но и общего представления о реальном потенциале системы коллективной безопасности. Переориентация советско-французского пакта в сторону военного союза виделась единственной альтернативой окончательному отказу от попыток обеспечить безопасность границ СССР путем активной дипломатии.

В начале лета тема военной конвенции возвращалась на первый план советско-французских переговоров, которые после мая вело новое правительство Народного фронта во главе с Л. Блюмом. В нем состояли политики, лояльно относившиеся к СССР, чем решила воспользоваться Москва. С инициативой выступил Венцов, как правило, выполнявший прямые поручения наркома обороны К. Е. Ворошилова. 12 июня он встретился с начальником кабинета министра авиации П. Кота и в разговоре с ним сразу взял жесткий тон. В ответ на предложение своего французского визави начать «подготовительную работу, которая могла бы облегчить в последующем быстрые переговоры», советский военный атташе заявил:

Время потеряно только благодаря французам. Постоянные колебания привели к тому, что прошло больше года после подписания пакта и ничего не изменилось в отношении подготовки к его выполнению [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 116].

Общие слова о возможности установления контактов между штабами ВВС двух стран он сразу предложил перевести в практическую плоскость. В том же ключе прошли его консультации с руководителем кабинета генерала Гамелена. Ответом на прямые советские предложения везде было вежливое молчание.

Кабинет Блюма попал в ту же ловушку, из которой в 1935 г. не смог выбраться Лаваль. Французский политик А. де Монзи отмечал:

Выборы 1936 г. скорее отдалили нас от СССР, чем сблизили с ним. Страхи, внушаемые деяниями коммунистов внутри нашей страны, заставили действовать осторожнее тех патриотов, которые до сих пор больше внимания уделяли общности интересов [двух стран], чем цивилизационным различиям [Crémieux-Brilhac, p. 103].

На фоне резкого обострения внутренних социально-политических противоречий летом 1936 г. правительство Народного фронта было вынуждено отказаться от активной внешней политики. Блюм, подержанный военным министром Э. Даладье, занял позицию невмешательства в испанскую гражданскую войну и провел новый тур переговоров с Берлином [Berstein, p. 511–512].

В своем донесении от 15 июля Венцов скептически оценивал перспективы развития диалога с французами:

Общая обстановка во Франции стала... еще более напряженной... И Блюм, и в особенности Даладье по разным мотивам ищут сближения с немцами... Советская кампания сейчас достигла своего апогея... В министерствах национальной обороны... царит настроение не иметь неприятностей и как-либо отвязаться от нас. <...> Совершенно очевидно, что и наша позиция совсем не может заключаться в том, чтобы навязывать им свою дружбу. Мы слишком выросли и слишком ценим свое достоинство, чтобы позволить этой св... вновь начинать влияние и заигрывание на все четыре стороны. Практически я ощущаю откат по всем решительно линиям [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 125].

Одновременно шел зондаж и по дипломатическим каналам. 11 мая в беседе с Литвиновым бывший министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур говорил о желательности заключения военной конвенции. Нарком в ответ заметил, что «пакт... дает больше выгод Франции, чем нам» [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 259], очевидно, отдавая инициативу французской стороне. Из всех министров ка-

бинета Блюма интерес к развитию военных отношений с СССР проявил лишь Кот, давний сторонник советско-французского сближения. 15 июня в ходе встречи с Гиршфельдом он говорил о «необходимости не только чисто военного взаимодействия, но и определенной согласованности действий в области промышленной подготовки» [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 305]. Эти слова, впрочем, мало что значили в практическом плане. В правительстве позиция Кота не находила поддержки.

К началу осени заметного продвижения в обсуждении перспектив военной конвенции не произошло, и советская сторона форсировала ход переговоров. В конце августа – начале сентября во Франции находилась миссия наркомата обороны во главе с И. Э. Якиром, который на официальном приеме заявил:

При нынешнем положении дел в Европе сотрудничество наших двух армий, не имеющих агрессивных намерений против кого бы то ни было, может стать крайне важным фактором безопасности и мира [Le Temps, 1936, 21 août].

7 сентября в письме Сталину Литвинов предложил «наполнить конкретным содержанием» соглашение 1935 г., подписав конвенцию о военном сотрудничестве и указывая в том числе на позицию Чехословакии, имевшей пакты о взаимопомощи с СССР и Францией и желавшей развития сотрудничества в практической плоскости [Дюллен, с. 119]. Политбюро одобрило эту инициативу. Разрастание гражданской войны в Испании убеждало Кремль в приближении европейской войны. Вопрос французского союза становился для Москвы первоочередным.

В это время Блюм начинал осторожно разворачивать французскую политику, начав с запуска в сентябре грандиозной программы перевооружения армии. В Париже понимали, что коллективная безопасность, не подкрепленная силовым инструментарием, не оставляет шансов сдержать германский реваншизм. На этом фоне запуск военных консультаций с СССР выглядел логичным шагом. 8 октября Кот «от имени своего правительства» предложил Гиршфельду «официально приступить к конкретным переговорам воздушных штабов». 19 октября советское правительство ответило на это предложение согласием [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 465, 766]. По мнению Потемкина, это был первый ощутимый результат переговоров на фоне имевшего место ранее «расплывчатого и ни к чему не обязывающего зондажа общего характера» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 148].

Одновременно Венцов посетил французский Генштаб, где поднял ключевую для взаимодействия двух армий проблему позиции Польши. Вопросы, которые он ставил, позволяли достаточно точно реконструировать точку зрения Москвы:

Может ли [Франция] быть уверена в том, что усилия, предпринимаемые в настоящее время Польшей в военной области, направлены исключительно против Германии? <...> Не стоит ли также воспользоваться случаем, чтобы добиться от Польши права свободного прохода через Восточную Галицию для советских войск?

Венцов допускал возможность оказания Советским Союзом Польше помощи военными поставками и уточнял, готова ли Франция надавить на поляков, чтобы склонить их к соглашению с Москвой [Дюллен, с. 120]. Польский вопрос предлагалось решить в принципе: в случае согласия Варшавы принять означенные условия рассматривать ее территорию как предполье для развертывания Красной армии, в случае отказа – исходить из перспективы противостояния германо-польской коалиции.

Подобная стратегия исходила из презумпции неизбежности войны и предполагала военное планирование против конкретных потенциальных противников. Однако французы к столь резкому повороту всей своей предыдущей политики оказались не готовы. В начале ноября правительство Блюма предметно обсуждало советские инициативы. Вернувшийся с маневров РККА в Белоруссии заместитель Гамелена В.-А. Швейсгут сообщил о сделанном ему с Тухачевским предложении открыть переговоры между двумя генштабами, однако советовал его отклонить, считая, что боеспособность Красной армии невелика, а соглашение с ней приведет к обострению отношений с Польшей [Documents diplomatiques français, p. 510–514]. Гамелен также полагал, что польский альянс с военной точки зрения имеет преимущество перед той помощью, которую Франции мог бы оказать СССР. Даладье разделял это мнение и опасался, что оформление советско-французского военного союза даст предлог Гитлеру активизировать свою агрессивную политику.

Потемкин получил информацию об этих консультациях от самого Блюма, который склонялся к договоренности с Москвой, о чем тут же сообщил в Москву. Дополнительные сведения предоставил Кот. Полпред сообщал:

Даладье и Гамлэн пытались сперва «забыть» о решении установить технический контакт между французской и советской военной авиацией. Когда Кот об этом напомнил, Даладье и Гамлэн подвергли открытому сомнению эффективность той военной помощи, которую СССР может оказать Франции, подвергшейся нападению. Кот, Блюм... энергично настаивали на необходимости скорейшего выяснения этого вопроса путем технических переговоров между генштабами обоих заинтересованных стран... В конце концов Блюму и Коту удалось добиться принятия совещанием их предложения [РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1027. Л. 148].

Французы подтвердили свое намерение направить в Москву миссию для ведения военных переговоров. Венцов в случае своего привлечения к ним предлагал «держаться крайне сдержанной позиции»:

Я заявлю им, что хотел бы знать для передачи своему командованию, с какими полномочиями они собираются послать свою комиссию. С другой стороны, нам интересно было бы для подготовки к этим переговорам знать, в пределах каких вопросов предполагается вести беседы в Москве [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 146].

Потемкин подчеркивал, что в складывающихся обстоятельствах «менее всего желательно выказывать... особую заинтересованность» в достижении договоренности по военному сотрудничеству. В этом полпреда поддерживал НКВД. «Вам надо будет соответственно сманеврировать исходя из того, что мы отнюдь не стремимся ускорить переговоры, не желая в то же время навлекать подозрения, будто мы сами уклоняемся от них», – инструктировал его Литвинов [Дюллен, с. 121].

Большое значение для дальнейшего хода событий имела встреча 22 декабря Венцова, заканчивавшего свою работу на посту военного атташе, с Гамеленом. В ходе обычного протокольного обмена любезностями генерал «хотя и отметил необходимость более тесного сотрудничества обеих армий, однако он не поднял ни одним словом конкретного вопроса о переговорах штабов». Эту тему, ключевую для всей конструкции отношений между Москвой и Парижем, на выходе из кабинета генерала в беседе с Венцовым затронул начальник секретариата Гамелена. Майор Ж. Птибон «заявил, что, по его представлению, центральная опасность в Европе сейчас заключается в возможности внезапного нападения немцев против Чехословакии», заверял Венцова в готовности Франции помочь Праге, спрашивал, какое содействие ей мог бы оказать СССР и намекнул, что в том случае, если Польша окажется в германском лагере, Париж и Москва получат «смежную границу против враждебной нам коалиции». Венцова прежде всего интересовало, является ли это предложение официальным, однако его визави «уклонился от прямого ответа» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 18–19].

Переговоры продолжились 6 января 1937 г. при участии преемника Венцова Н. А. Семенова. Разговор с ним генерал Швейсгут начал с замечания о том, что пакт о взаимопомощи может перерасти в военный союз, а может остаться на бумаге, и повторил соображения, уже высказанные Птибоном. Вывод Семенова звучал скептически:

Неоднократные ссылки генерала Швейсгута на то, что мы не имеем общей границы с Германией, по-моему, показывают, что в окружении генерала Гамлена особого перелома в этом вопросе нет. Сама постановка вопроса нам, чем мы можем им помочь, не указывая конкретно их наметки, где и в каком размере они делали бы получить эту помощь, по-моему, доказывает, что Гамлен пошел на этот разговор через генерала Швейсгута только под нажимом в правительстве Кота [Там же. Л. 25–29].

О ходе обсуждений Ворошилов доложил Сталину, отметив, что французы ведут их «в такой форме, которая похожа на желание получить расплывчатый и ничего не значащий ответ, который позволил бы Гамелену доказывать в правительстве бесполезность и невыгоду дру-

жественных отношений с Советским Союзом». Семенову предлагалось инициировать консультации «выделенных представителей обоих генеральных штабов», которые «будут обсуждать формы взаимопомощи обеих стран в различных вариантах» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 74–75]. Однако французы ждали ответа по существу, и 2 февраля Семенова снова вызвали в Генштаб. Одновременно генеральный секретарь МИД А. Леже говорил о том же с Потемкиным. Полпред указывал на то, что «вопросы, поставленные ген[ералом] Швейсгутом, сформулированы были в слишком общей, недостаточно конкретной редакции. При этом они носили односторонний характер» [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 77]. Генштаб РККА сформулировал свой ответ лишь 17 февраля. В случае агрессии Германии Москва выражала готовность задействовать сухопутные силы РККА через территорию Польши и Румынии либо отправить их морем, а также использовать авиацию [Документы внешней политики СССР, т. 20, с. 703]. Вопрос о том, каким образом будет обеспечен проход советских войск, не разъяснялся, что вызвало вопросы со стороны Блюма. Однако советская сторона не давала ответа.

Ситуация застыла в мертвой точке. В Москве считали, что французские просьбы уточнить модальность оказания помощи имеют своей целью «добиться от нас самих признаний, что наша военная помощь Франции, в особенности при отсутствии у нас общих границ с Германией, не может быть достаточно эффективной» [Там же], и настаивали на проведении прямых консультаций между генштабами, которые было бы невозможно дезавуировать задним числом. Однако французы на фоне обозначившихся разногласий в правительстве, возражений военных и нарастающего кризиса коалиции Народного фронта не были готовы идти настолько далеко.

11 марта Потемкин писал Литвинову:

Контакт наших генштабов, по-видимому, осуществится не так скоро. На прошлой неделе я видел Даладье, который с таинственным видом мне сообщил, что продвигает это дело, но действует с особой осторожностью, чтобы не поднять нежелательного переполоха [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 140].

В конце марта в СССР прибыла миссия французских ВВС. В беседе с ее руководителем Ворошилов заметил, что «Генштаб РККА до сих пор не поставлен в известность» о намерениях французской стороны.

Есть пакт о взаимопомощи, имеется также представление о наших вооруженных силах, в частности воздушных, существует наконец ответ нашего Генштаба на зондаж французского Генштаба. Всего этого вполне достаточно, чтобы без особой «подготовки», с открытыми глазами принять правительственное решение о ведении военных переговоров и рассматривать весь вопрос в целом, совокупно, в отношении всех видов вооруженных сил, что нашим Генштабом признается единственно правильным [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 291].

В начале апреля глава МИД И. Дельбос обещал Потемкину, что правительство вскоре обсудит вопрос военных переговоров, однако это намерение осталось нереализованным. В июне кабинет Блюма ушел в отставку. 12 августа новый полпред в Париже Я. З. Суриц сообщал в Москву: «Почти никто из моих официальных собеседников не говорил о необходимости расширить наши отношения, и тем менее – о военном сотрудничестве» [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 245].

Метания французов еще в конце 1936 г. сформировали в Кремле неблагоприятные ожидания. В ноябре в инструкции Потемкину Литвинов писал: «Некоторые авторитетные товарищи здесь предпочитают, чтобы [военные] переговоры были отложены, но лучше, чтобы инициативу здесь взяли на себя французы» [Carley, p. 323]. После переговоров Венцова с Птибоном в полпредство сообщили «о прохладном отношении руководящих товарищей к проблеме франко-советского военно-технического контакта» [Дюллен, с. 121]. В начале февраля Литвинов предупреждал полпреда:

Считаю преждевременным Ваше заявление... о желательности непосредственных конкретных переговоров авторитетных представителей генеральных штабов. Мне, да и Вам неизвестно, чтобы стремление к таким переговорам существовало в Москве, а, наоборот, имею основания в этом даже сильно сомневаться [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 16].

О причинах этих сомнений советские дипломаты открыто говорили своим французским визави:

Наше неудовольствие вызывалось... недопустимой возней политических группировок Франции вокруг франко-советского пакта, бесцеремонными дискуссиями печати и парламента о стабильности нашего режима, о состоянии наших вооруженных сил, шаткостью позиции Франции в отношении Германии, неправильной линией в испанском вопросе и т. д. [Там же. П. 136. Д. 110. Л. 75–76].

После войны Даладье, которому приходилось объясняться за многие внешнеполитические ошибки 1930-х гг., говорил о том, что Москва фактически сама свернула обсуждение взаимодействия между генштабами, отозвав военного атташе и вскоре развернув масштабные репрессии в вооруженных силах [Alexander, p. 300]. Как показывает анализ документов, реальность была иной. Полпредство до лета 1937 г. сохраняло данную проблему в пространстве диалога с французами, а в Кремле так и не дождались политического решения французской стороны о начале военных переговоров.

Период с сентября 1936 по март 1937 г. был, вероятно, моментом наибольшего сближения позиций СССР и Франции по вопросу оформления военного союза. Для Москвы соображения дипломатического зондажа отошли на второй план по сравнению со стратегическими соображениями. В Париже правительство Народного фронта смогло

временно стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и начало готовиться к войне, перевооружая армию. Ноябрьская инициатива Блюма имела шансы на успех, но для ее реализации французскому руководству не хватило политической воли. Как предполагал генерал Швейсгут, советско-французский союз остался на бумаге. Доверие руководства СССР к Франции было серьезно подорвано накануне тех событий, от исхода которых зависела судьба Европы и всего мира.

Список литературы

- АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 94, 95, 97; Оп. 17. П. 135. Д. 109; П. 136. Д. 110. *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М. : Вече, 2000. 504 с.
- Белойс З. С.* Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М. : Наука, 1976. 418 с.
- Документы внешней политики СССР : в 24 т. М. : Политиздат, 1957–2000. Т. 18. 786 с. Т. 19. 823 с. Т. 20. 788 с.
- Дюллен С.* Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 318 с.
- Иссерсон Г. С.* Судьба полководца // Дружба народов. 1988. № 5. С. 179–192.
- Карлей М. Дж.* «Комедия, обернутая иронией внутри трагедии»: франко-советские попытки консультаций между генштабами (1936–1937) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 1. С. 45–91. DOI 10.24412/2409-1413-2021-1-45-91.
- Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М. : ОГИ, 2008. 510 с.
- Орлов Б. М.* В поисках союзников: командование Красной армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // Вопр. истории. 1990. № 4. С. 40–53. РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 740, 760, 1027.
- Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М. : Междунар. отношения, 1989. 360 с.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм : Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. : РОССПЭН, 2008. 332 с.
- Alexander M. S.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. 573 p.
- Berstein S.* Léon Blum. Paris : Fayard, 2006. 835 p.
- Carley M. J.* A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. 2006. Vol. 17. № 2. P. 295–346. DOI 10.1080/09592290600695292.
- Crémieux-Brilhac J.-L.* Les Français de l'an 40 : [2 vols.]. Paris : Gallimard, 1990. Vol. 1. La guerre, oui ou non? 647 p.
- Dessberg F.* Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles : Peter Lang, 2009. 440 p.
- Documents diplomatiques français. 2e série 1936–1939 : 19 vols. Paris : Imprimerie nationale, 1966. Vol. 3. 844 p.
- Duroselle J.-B.* La Décadence 1932–1939. Paris : Imprimerie nationale, 1983. 568 p.
- Le Temps. 1936. 21 août.
- Loizeau L.* Une mission militaire en URSS // Rev. des deux mondes. 1955. № 8. P. 252–276.
- Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945 : 11 vols. Paris : Imprimerie de l'Assemblée Nationale, 1951–1952. Vol. 1. 286 p.
- Soutou G.-H.* La grande illusion. Quand la France perdait la paix, 1914–1920. Paris : Tallandier, 2015. 379 p.
- Vaisse M.* Les militaires français et l'alliance franco-soviétique au cours des années 1930 // Forces armées et systèmes d'alliance : Colloque international d'histoire militaire et d'études de défense nationale, Montpellier, 2–6 septembre 1981. Paris : Fondation pour les études de Défense nationale, 1983. P. 688–703.

References

- Alexander, M. S. (1992). *The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 573 p.
- AVP RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Stock 05. List 15. File 110. Dos. 94, 95, 97; List 17. File 135. Dos. 109; File 136. Dos. 110.
- Belousova, Z. S. (1976). *Frantsiya i evropeiskaya bezopasnost', 1929–1939* [France and European Security]. Moscow, Nauka. 418 p.
- Berstein, S. (2006). *Léon Blum*. Paris, Fayard. 835 p.
- Bezymenskii, L. A. (2000). *Gitler i Stalin pered skhvatkoi* [Hitler and Stalin before the Fight]. Moscow, Veche. 504 p.
- Carley, M. J. (2006). A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940. In *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 17. No. 2, pp. 295–346. DOI 10.1080/09592290600695292.
- Carley, M. J. (2021). “Komediya, obnutaya ironiyei vnutri tragedii”: franko-sovetskie popytki konsul'tatsii mezhdu genshtabami (1936–1937) [“A Comedy Wrapped in Irony inside a Tragedy”: Franco-Soviet Attempts at Consultations between General Staffs (1936–1937)]. In *Zhurnal rossiiskikh i vostочноevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*. No. 1, pp. 45–91.
- Crémieux-Brilhac, J.-L. (1990). *Les Français de l'an 40*. 2 vols. Paris, Gallimard. Vol. 1. La guerre, oui ou non? 647 p.
- Dessberg, F. (2009). *Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, Peter Lang. 440 p.
- Documents diplomatiques français. 2e série 1936–1939*. (1966). 19 vols. Paris, Imprimerie nationale. Vol. 3. 844 p.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR v 24 t.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. 24 Vols.] (1957–2000). Moscow, Politizdat. Vol. 18. 786 p. Vol. 19. 823 p. Vol. 20. 788 p.
- Dullin, S. (2009). *Stalin i ego diplomaty. Sovetskii Soyuz i Evropa, 1930–1939 gg.* [Stalin and His Diplomats: The Soviet Union and Europe, 1930–1939]. Moscow, ROSSPEN. 318 p.
- Duroselle, J.-B. (1983). *La Décadence 1932–1939*. Paris, Imprimerie nationale. 568 p.
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the 1930s: City.]. Moscow, ROSSPEN. 332 p.
- Isserson, G. S. (1988). Sud'ba polkovodtsa [The Fate of a Commander]. In *Druzhba narodov*. No. 5, pp. 179–192.
- Ken, O. N. (2008). *Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh – seredina 1930-kh gg.)* [Mobilisation Planning and Political Decisions (Late 1920s – Mid-1930s)]. Moscow, OGI. 510 p.
- Le Temps*. (1936). 21 août.
- Loizeau, L. (1955). Une mission militaire en URSS. In *Rev. des deux mondes*. No. 8, pp. 252–276.
- Orlov, B. M. (1990). V poiskakh soyuznikov: komandovanie Krasnoi Armii i problemy vneshnei politiki SSSR v 30-kh godakh [In Search of Allies: The Command of the Red Army and the Problems of Foreign Policy of the USSR in the 30s]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 40–53.
- Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945*. (1951–1952). 11 vols. Paris, Imprimerie de l'Assemblée Nationale. Vol. 1. 286 p.
- RGVA [Russian State Military Archive]. Stock 33987. List 3a. Dos. 740, 760, 1027.
- Sipols, V. Ya. (1989). *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune Vtoroi mirovoi voyny* [Diplomatic Struggle on the Eve of World War II]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 360 p.
- Soutou, G.-H. (2015). *La grande illusion. Quand la France perdait la paix, 1914–1920*. Paris, Tallandier. 379 p.
- Vaïsse, M. (1981). Les militaires français et l'alliance franco-soviétique au cours des années 1930. In *Forces armées et systèmes d'alliance. Colloque international d'histoire militaire et d'études de défense nationale, Montpellier, 2–6 septembre 1981*. Paris, Fondation pour les études de Défense nationale, pp. 688–703.

The article was submitted on 31.03.2021